

КОНСТАНТИН КИЧЕВ =

Я ЧЕСТЕН, КРАСИВ И ЧЕРТОВСКИ ТАЛАНТЛИВ

В 1984 году Вячеслав Задерий, лидер малоизвестной питерской рок-команды "Алиса", пригласил еще более малоизвестного московского музыканта Костю Кичева на роль второго фронтмена группы. Так началась история одной из самых скандальных субстанций в русском роке. За 15 лет через группу прошли многие музыканты. Они вышли из подполья, переиграли все — от "новой волны" до тихой акустики — и сколотили вокруг себя фанатскую "Армию "Алисы". Сам Константин Кичев стал многодетным отцом, давно перестал скандалить с милицией и почти каждое воскресенье ходит в церковь. Однако репутация рок-хулиганов, видимо, прилипла к музыкантам навсегда. Сегодня главный рок-хулиган в очередной раз пытается показать свое истинное, вполне благообразное лицо в эксклюзивном интервью "МК-Бульвару".

Илья ЛЕГОСТАЕВ

— Помните первый концерт, который вы посетили в качестве зрителя?

— Это было году в 73-м, а ансамбль назывался "Тайная Вечеря". Они ориентировались на исполнение песен группы "Ground Funk", а бас-гитаристом там был Куликов, который играет сейчас в группе Алы Борисовны (автор хита "В Воду Войду". — И.Л.). Помню, мне тогда очень понравилось. Они замечательно делали песню "Are You Ready" — просто снимали ее в копейку.

— Как прошел ваш первый концерт?

— Тоже неплохо. Дело было на фабрике по изготовлению расчесок на вечерне, посвященном чествованию особо отличившихся сотрудников. Мы пели свои песни, но в основном играли чушь. А было это году в 75-м.

— Последний альбом, который вы купили?

— "Mechanical Animals" Marilyn Manson. Мне очень нравится этот сплав современной электронной ритм-секции с брутальными и дебильными гитарными рифмами.

— У вас есть любимые фильмы?

— Наибольшее впечатление на меня произвел "Trainspotting".

— Можете охарактеризовать себя несколькими словами?..

— Честен, порядочен, красив и чертовски талантлив.

— Что для вас яд?

— Любой наркотик. Говорю как человек, прошедший через это.

— Когда вы в последний раз напились?

— На той неделе. В компании Глеба Самойлова из "Агаты Кристи", а потом, уже под утро, к нам присоединился Гарик Сукачев, который был в еще более "напитом" состоянии.

— Что выпивали?

— Водочку, естественно, что, кстати, не яд. Поводом было интервью на "Радио 101". Они так красиво сервировали стол — колбаска там нарезанная, салатки, просто не смог устоять и появился дома только в девятом часу утра.

— Ваши любимые алкогольные напитки?

— Водка. От вина у меня изжога. От плохой водки, конечно, тоже хорошо не бывает, но здесь есть проверенное правило. Первая бутылка должна быть обязательно качественной. Дальше — уже неважно.

— Семейные скандалы в связи с загулами случаются?

— Случаются, но веду я себя очень мирно, целиком и полностью признаю свою вину и стараюсь не повторять ничего подобного.

— Чего вы больше всего боитесь?

— Непроходящего страха у меня нет. Есть ситуации, которых я пугаюсь. Допустим, когда машина едет юзом с большой скоростью.

— С кем вы в последний раз подрались?

— С соседом по лестничной клетке — месяца три назад. Причиной послужила установка домофона, а точнее, то, что сосед не хотел вносить свою долю. Серьезной драки не было. Я просто дал ему в пятку, и все.

— Когда "Звуковая дорожка" подводила итоги-98, меломаны в номинации "Скандал года" несколько раз упомянули вашу ссору с фэнами, которая произошла в августе на концерте в ДК "Меридиан". Война продолжается или закончен мир?

Жена Александра и дочь Вера.

— Я еще раз извиняюсь за свою несдержанность. Был не прав, потому что человек моего статуса и вообще любой публичный персонаж не имеет права оскорблять ни в чем не повинных людей. Это тот грех, который мне хотелось бы изжить в корне, но, к сожалению, это очень трудно сделать. В один момент люди, которые жили в моем подъезде, стали мне ужасно досажать — я не сдержался и прямо со сцены сказал все, что о них думаю. Теперь вроде бы все нормально: в подъезде — домофон, тот самый, из-за которого я еще и с соседом подрался.

— Что вы делаете, когда просыпаетесь?

— Потягиваюсь, встаю, иду в ванную и пью кофе. Время пробуждения зависит от того, сколько времени я провел ночью за компьюте-

ром, играя в какой-нибудь "Коммандос". Люблю я это дело.

— Какую музыку вы бы заказали на свои похороны?

— Что-нибудь проворное из "Алисы". А вообще-то она и так там будет звучать из кучи магнитофонов.

— В недавнем интервью "ЗД" Борис Гребенщиков заклеил позором Филиппа Киркорова и заявил, что вместе с музыкантами из "Ва-Банка", "DeadYшек" и "TequilaJazz" открывает чуть ли не фронт по борьбе со всеми проявлениями постсоветской эстрады. Вы бы поддержали такое движение?

— Весь экстремизм по поводу того, что меня не устраивает, остался далеко в прошлом. В 86-м году мы с музыкантами группы "Телевизор", Рикшетом из "Объекта Насмешек" и другими непримиримыми рокерами создали движение "Красный Клин". Нашей целью тоже была борьба с пошлостью и безвкусицей. Правда, до конкретных действий дело не дошло. Мы сели, выпили, продекларировали свои заявления и на этом успокоились. Гребенщиков и К° скорее всего, этим же и ограничатся.

— То есть в данный момент наша поп-музыка вас не раздражает?

— Она просто гораздо мельче того, что меня на самом деле тревожит. Если мне устраивает музыка на радио или ТВ, я просто начинаю щелкать каналами. Выбор, правда, небольшой, поэтому часто приходится смотреть канал "Культура".

— Как и любая другая рок-группа, "Алиса" до перестройки была явлением по большей части социальным. Вам нравилось быть в оппозиции к существующим порядкам?

— Я никогда не делал этого специально. Помню свое первое интервью, которое я, кстати, дал Артуру Гаспаряну для газеты "Комсомольская искра". Это был очень типичный набор штампов и банальностей, никакой антисоветчины. Я даже передал привет дружественному болгарскому народу. Формулировку мне Артур подсказал. Было там что-то про мир и ясное небо над головой. Тем не менее нас время от времени пытались запрещать. Относился я к этому как к данности и поэтому давно смирился с тем, что в глазах обывателей выгляжу настоящим монстром, несмотря на то, что я никогда не был ни хулиганом, ни фашистом.

— Когда на вас завели уголовное дело, было страшно?

— Было абсолютно по барабану. Я всегда знал, что честен, красив и

"Армия Алисы": личный состав встречается с Верховным Главнокомандующим.

чертовски талантлив.

— Надо сказать, что этих качеств могло оказаться явно недостаточно для того, чтобы остаться на свободе...

— Как человека, который выбрал профессией рок-н-рол и таким образом сжег некоторое количество мостов, меня совершенно не интересовал мой социальный статус. Мне было по барабану — буду я сидеть или останусь на свободе. Хотя, конечно, больше хотелось свободы. Кстати, потом с зоны мне приходило письма, в которых люди очень сожалели, что я не оказался за решеткой. Они были уверены, что сидеть со мной им было бы гораздо веселее.

— С тех пор прошло много времени, изменилась ситуация в стране, да и название страны изменилось. Однако вы по-прежнему в оппозиции, что следует из ваших интервью. С чем это связано?

— Я отвечу цитатой из Виктора Цоя: "Мне не нравится то, что здесь было, и мне не нравится то, что здесь есть". По-моему, это совершенно нормальная позиция творческого человека. Мне нравится жить в России, нравится, что я здесь родился и скорее всего здесь умру. Пафосно получается, но это, черт возьми, так. А социальные режимы не могут полностью устраивать ни одну свободолюбивую душу.

— Как творческой единице раньше вам работалось лучше?

— Если ты занимаешься творчеством, то нет никакой разницы, при каком режиме это делать. Власть и творчество — вещи совершенно несовместимые. Другое дело, что играть теперь можно во дворцах спорта, а тогда приходилось довольствоваться квартирами. Но поверьте: играя в квартирах, я совершенно не ощущал себя ущемленной и не востре-

бованной социумом личностью. Наверное, я чересчур эгоистичен, но все перемены, которые произошли в стране, на меня особого впечатления не произвели. Политическая структура страны по-прежнему не вызывает у меня никакого пиетета, потому что она глупа, неталантлива, сиюминутна и жадна.

— В выборах участие когда-нибудь принимали?

— Как любой послушный гражданин России, я всегда отдавал и буду отдавать свой голос. Что касается пропагандистских акций, то в них участвовать не хотелось бы. Однако, если будет реальная опасность реставрации того строя, при котором я давал интервью газете "Комсомольская искра", придется заявлять свою гражданскую позицию. Именно так было во время проведения кампании "Голосуй или проиграешь!", в которой я участвовал, как и многие другие. Не знаю, что будет на этих выборах... Если во втором туре останутся Примаков и Лужков, то я просто приду и тихо выкину свою бумажку в урну.

— Вы неоднократно говорили, что с недавних пор ваша жизнь тесно связана с религией. Как вы относитесь к весьма популярному мнению о том, что церковь во всем ее бюрократическом аппарате дискредитирует саму идею веры в Бога?

— Мне ясна эта позиция. Будучи нехристом и язычником, сам декларировал нечто подобное. Сейчас я понимаю, что это была моя ничем не обоснованная дерзость, исходящая только от глупости. К мнению церкви необходимо прислушиваться, потому что это великая человеческая мудрость. Церковь дал нам в подарок Господь, и не стоит по гордыне и собственной бесовской беспечности от нее отказываться.

— Наверное, трудно быть одновременно рок-идолом и прилежным христианином...

— Нетрудно. Проблема — только с гастрольным графиком, который не всегда позволяет каждое воскресенье ходить в церковь. В психологическом плане я даже диссонанса никакого не испытываю, хотя отношение церкви к року далеко не толерантное. Любый думающий священник вряд ли сможет благословить свою паству на подобный образ жизни. Но главное в любой профессии — оставаться человеком, имеющим четкий моральный кодекс, который в принципе сформулирован у нас в законе. Если пытаться следовать этому кодексу, то любая профессия — не порок, а благо.

— Кстати, в Америке церковь куда более толерантна к легкой музыке и люди с удовольствием распевают на службах что-то рок-роллоподобное. На ваш взгляд — это правильно?

— Я отношусь к этому, как и к любому реформаторству церкви, как к сектантству. Не собираюсь никого осуждать: Господь им судья. Но православная церковь приемлет только акапельное пение. Православная церковь вообще очень мистичная. В ней есть какой-то трепет при служении и таинство при принятии причастия. Ведь каждую литургию вино и хлеб чудесным образом превращаются в плоть и кровь Господа нашего Иисуса Христа. И если к этому трепетно относиться, ты все ощущаешь внутри себя в собственном сердце. Мы, конечно, очень консервативны, но я считаю, что это абсолютно верно.

— Своих детей вы воспитываете в этом же духе?

— Безусловно. Для меня главная задача — донести до моих детей четкое знание Закона Божьего, то есть дать понять, что хорошо, а что плохо. Я был этого лишен и очень хочу, чтобы у потомства таких пробелов не было.

— Они учатся в частной школе?

— Нет, в обычной и при этом посещают воскресную школу. Старшая дочь поет в хоре, что не мешает ей слушать "Prodigy".

— Преимущества частного и государственного образования — тема простынных споров. Вы как отец чему больше доверяете?

— Наверное, семь учителей, которые занимаются с одним ребенком, — это хорошо. Но мне это, к сожалению, не по карману. У меня еще со школьных времен есть това-

рищ, который преподает словесность и поднаскивает старшую дочь Машу по литературе и русскому. Есть знакомый учитель музыки, который занимается сольфеджио с младшей Верой. Все это частично заполняет пробелы школьной программы. А так — обычная английская спецшкола.

— В конце 80-х "Алиса" была очень популярной группой среди студентов. Теперь ваша основная клиентура — учащиеся ПТУ. Вас не тревожат подобные изменения?

— Ну почему только ПТУ? Иногда среди них встречаются учащиеся технических колледжей. Если серьезно, то на концертах "Алисы" помимо ребят из простых семей, то есть людей, не обремененных образованием, всегда были очень думающие персонажи. Они есть и сейчас. Мне вообще кажется, что тинэйджерство по сути своей не меняется. Люди в этом возрасте собираются, чтобы оторваться, и рок-концерт — место, где это можно максимально реализовать. Другое дело, что тяга к отрыву очень быстро проходит. Девушки рожают, юноши женятся, у них появляются другие заботы, и им уже не до концертов. Но благо на их место приходят другие.

— Так уж получается, что отрыв на концертах сопровождается в лучшем случае самозабвенным пьянством. Часто поддается соблазну присоединиться ко всеобщему веселью?

— Я прошел через многие круги ада и говорю огромное спасибо Господу, создателю и творцу, за то, что он оставил меня в живых. Я уже несколько лет не торчу и даже выпивать себе перед концертом не позволяю. Хотя, конечно, бывают срывы. Вот недавно в городе Харькове я был просто прекрасен на сцене.

— У вас есть песни, которые вы написали, мягко говоря, в неадекватном состоянии?

— Есть такие: "Белая Невеста", например, и почти все, что связано с альбомом "Черная Метка". Но это были наркотики. По пьяни, знаете, как-то не пишется. В этом состоянии в основном декларируется и исполняется.

— Ну почему? Вот Алла Борисовна как-то говорила: "Накатишь, бывало, 50 граммuleчек, сядешь к фортепьяно — и мелодии так и лезут"...

— Дело в том, что, когда я накачиваю 50 граммuleчек, у меня возникает только немедленное желание повторить. А там уж не до мелодий.

— То есть некое творческое вдохновение можно найти только в

наркотиках?

— Не знаю. Знаю только, что жадное любопытство, присущее всем творческим натурам, приводит к тому, что хочется попробовать все. А если уж продекларировал в самом начале творческого пути, что ты — экспериментатор, то сами понимаешь. И вообще, давайте оставим эту тему, потому что я сейчас докачусь до панегирика в адрес наркотиков, а делать этого не хотелось бы.

— Скажите только, как проходило для вас расставание с ними?

— Очень тяжело. Это болезнь, которая не лечится, а лишь чудом исцеляется. Преодолеть этот недуг мне помогла только жгучая совесть. Что я вкладываю в это понятие? Приходя в храм на исповедь, ты говоришь батюшке: "Вот торчу". Он произносит молитву и допускает к причастию. Ты причастился, уходишь из храма — и опять затарчиваешь. И тут возникает жгучая совесть — по-другому я это назвать не могу. Ты спрашиваешь себя: "Что же ты, подлец, делаешь? Ты же врешь Богу". И именно это ощущение позволило мне справиться. Четыре года я уже не торчу. Наверное, это мало. Меня поверг в дикое уныние приговор одного доктора. Он сказал, что так называемый ген удовольствия, который расщепляет морфин и вообще все опиаты, сохраняется в тебе еще 37 лет после того, как ты прекратил их употреблять. То есть нельзя сказать, что я излечился. По этому приговору мне нужно еще 33 года, чтобы окончательно поправиться.

— Жизнь в роке на трезвую голову дает какие-нибудь кардинальные новые ощущения?

— Я выпиваю, причем достаточно регулярно.

— То есть замена нездоровых привычек на путешествия, горные лыжи и прочие безобидные способы отрыва для вас неприемлема?

— Для меня главный стимуля-

тор — служение Господу. Оно мне дает ощущение того, что жизнь подобна росту. Жизнь на земле — это семья, которое должно прорваться на свет Божий. А росток — это уже выход в другой мир, мир духовный, где можно с легким сердцем говорить о бессмертии души. В качестве дополнения я ощущаю, что общение с природой тоже рождает во мне замечательные эмоции. На мой взгляд, главная задача человека — не впадать в уныние и быть всегда в радости. Это то, к чему надо стремиться.

— И это говорит лидер мрачной мистической группы...

— А почему нет? В роке есть ощущение, что все хорошо, что мы сдюжим, что мы вместе... Хотя в гармониях уныние, конечно, преобладает.

Фото: Наталья ВУДАНОВА

ПОДАРОК К 8 МАРТА — "ПОНИ".

Ультразвуковая стиральная машина "ПОНИ" хорошо известна российским потребителям. Эта трудолюбивая малышка полюбила всех, кто стирал с ее помощью. По качеству стирки "ПОНИ" не уступает большим автоматическим стиральным машинам, а стоит раз в 30 дешевле.

Принцип работы "ПОНИ" довольно прост: машинка создает ультразвуковые волны, которые, распространяясь в воде, проходят между волокнами ткани и грязью. Грязь буквально выбивается из ткани. При этом погибают болезнетворные бактерии. В процессе стирки ткань не подвергается механическому

воздействию (не трется, не крутится и не рворажается). Результат замечательный — вещи не только тщательно и бережно отстираются, "ПОНИ" так же продезинфицирует их.

Маленькая, но мощная и экономичная. Безопасна, проста в применении. Все эти качества выгодно отличают стиральную машину "ПОНИ" от своих собратьев. Только у нее, в отличие от аналогов, есть Патент и Сертификаты (спрашивайте при покупке). Гарантия.

"ПОНИ" можно заказать с доставкой по г. Москве или приобрести в магазинах. Пенсионерам и коллективам — скидки.

Телефоны представительств: 923-23-61, 924-23-16.
Телефон для справок: 442-97-87.